1. *Allen D.* Talking to Strangers: Anxieties of Citizenship since Brown v. Board of Education. Chicago, 2004.

2. *Azoulay Ar.* The Civil Contract of Photography. N. Y., 2008.

3. *Benjamin W.* Little History of Photography // Selected Writings. Boston, 1999. Vol. 2 : 1927–1934 (русский перевод: *Беньямин В.* Краткая история фотографии. М., 2013).

4. *Honneth A.* The Struggle for Recognition. The moral grammar of social conflicts. Boston, 1995.

5. *King D.* Ordinary Citizens: The Victims of Stalin. L., 2003.

6. *Rosenblum N.* World History of Photography. N. Y., 1997 (имеется электронная версия: URL: http://www.all-art.org/history658_photography8.html).

7. *Sontag S.* On Photography. N. Y., 2005 (русский перевод: *Сонтаг С.* О фотографии. М., 2013).

Рукопись поступила в редакцию 31 июля 2014 г.

УДК 177.9 + 172 + 316.752

А. А. Сычев

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ПРИЗНАНИЕ, УЧАСТИЕ*

Экологические риски («грязные» производства, захоронения токсичных отходов) сегодня концентрируются в районах проживания этнических меньшинств и людей с низким доходом. В этой связи актуальность приобретает проблема экологической справедливости, объединяющая вопросы социального равенства и охраны окружающей среды. В статье показывается, что ликвидация экологической несправедливости в рамках распределения благ является борьбой со следствиями. Предлагается бороться с причиной проблемы — структурной несправедливостью, обусловленной отсутствием признания.

Ключевые слова: экологическая справедливость, распределение, признание, участие, равенство.

В конце XX столетия в списке тем, вызывавших публичную озабоченность, на одно из первых мест выдвинулась проблема неравномерного распределения экологических благ и рисков среди различных групп населения. Реакцией общества на эту диспропорциональность стало формирование групп и организаций, провозгласивших в качестве своей основной цели борьбу за экологическую справедливость.

Движение сторонников экологической справедливости явилось духовным преемником двух наиболее влиятельных общественных движений XX столетия. Одним источником его идеологии стало природоохранное движение, ратующее за благоприятную окружающую среду, вторым — движение за социальную справедливость, выступающее против дискриминации по расовым, этническим, половым, классовым и прочим подобным признакам. До определенного времени

* Статья написана при поддержке РГНФ и Правительства РФ, грант № 14-13-13009а(р).

© Сычев А. А., 2014

казалось, что два этих движения если и не противоположны друг другу, то по крайней мере имеют немного точек соприкосновения. Считалось само собой разумеющимся, что в ходе принятия стратегических решений о развитии природозащитники и сторонники социальной справедливости находятся по разные стороны баррикад, отстаивая взаимоисключающие интересы природы и социальных низов. Типичным примером этого являются ситуации со строительством крупных промышленных предприятий, которые, с одной стороны, загрязняют окружающую среду, а с другой, способствуют увеличению количества рабочих мест и росту производства продукции. Выбор между экономическим развитием и экологической устойчивостью — самая распространенная моральная дилемма, стоящая перед современной экологической этикой.

Однако при рассмотрении данных о качестве жизни в динамике выясняется, что в реальности в ходе форсированного экономического развития самые обездоленные не только не получают ожидаемых выгод, но все чаще оказываются потерпевшими от деградации окружающей среды. В тех районах, где проживают люди с низким доходом или представители национальных и расовых меньшинств, как правило, экологическая обстановка не просто оставляет желать лучшего: именно здесь наблюдаются самые высокие профессиональные риски, концентрируются «грязные» производства и свалки токсических отходов. Фактически социальные низы платят ухудшением своего здоровья и качества жизни за форсированное экономическое развитие и увеличение доходов отдельных представителей высших классов. С этой точки зрения меньшинства и люди с низким доходом являются такими же жертвами деградации окружающей среды, как вымирающие виды или исчезающие экосистемы. Это значит, что насущные вопросы социального равенства могут быть выражены на языке природоохраны, а взаимоотношения человека и окружающей среды — рассмотрены в рамках теории справедливости.

Справедливость в широком смысле совпадает с нравственностью, проецируемой на общественное взаимодействие, а в узком представляет собой «нравственно санкционированную соразмерность в распределении благ и зол (преимуществ и недостатков, выгод и потерь) совместной жизни людей» [4, *457–458*]. Развитие идей экологической справедливости представляет собой движение от узкого (этико-юридического) ее понимания к широкому (морально-философскому).

Первоначально представления об экологической справедливости практически не выходили за рамки дистрибутивной справедливости. Такое понимание в основном вытекало из идей Дж. Ролза, высоко оценивавшего роль справедливости в поиске путей «подходящего разделения социальных преимуществ» [6, *25*]. В этом контексте экологическая справедливость понималась как обеспечение равного доступа всех индивидов к благоприятной окружающей среде, в частности, к таким экологическим благам, как парковые и лесные зоны, природные места отдыха, чистый воздух, качественная питьевая вода и т. д.

Вопросы дистрибутивной справедливости применительно к окружающей среде были уточнены в работах У. Бека, который продемонстрировал, что в условиях позднего модерна речь следует вести о распределении не столько экологических благ, сколько экологических рисков. Нижние слои общества имеют больше шансов подвергнуться воздействию вредных веществ, поскольку у них нет финансовых

возможностей переехать из загрязненных зон, покупать экологически чистые продукты или регулярно выезжать на отдых. Они, как правило, не способны отказаться от «вредной» работы из-за угрозы потерять рабочее место; наконец, из-за низкого уровня образования и плохой информированности они знают чрезвычайно мало об экологических опасностях и способах их минимизации.

Фактически в условиях позднего модерна уже существующие социальные неравенства продолжают углубляться. Бек отмечает: «История распределения рисков показывает, что риски, как и богатства, распределяются по классовой схеме, только в обратном порядке: богатства сосредоточиваются в верхних слоях, риски — в нижних. По всей видимости, риски не упраздняют, а усиливают классовое общество. К дефициту снабжения добавляются чувство неуверенности и избыток опасностей. Напротив, те, кто имеет высокие доходы, власть и образование, могут купить себе безопасность и свободу от риска. Этот “закон” специфически классового распределения рисков и тем самым обострения классовых противоречий из-за концентрации рисков на стороне бедных и слабых долгое время считался и считается до сих пор одним из центральных измерений риска» [3, *40–41*].

Однако логика распределения рисков в обществе позднего модерна все же имеет важные отличия от классической «классовой» логики распределения благ и тягот. С усилением давления на природу отгородиться от грязной воды, парниковых газов или радиации становится все сложнее даже людям с высоким доходом. В определенный момент возникает «эффект бумеранга»: жертвами экологической деградации оказываются все социальные группы, независимо от дохода или степени участия в производстве рисков, включая и тех, кто ранее получал только дивиденды от эксплуатации природы. В долгосрочной перспективе умножение рисков производит уравнивающий эффект. Вопрос состоит лишь в характере итогового равенства: или общество вырабатывает механизмы, обеспечивающие равный доступ к благоприятной окружающей среде, или же все оказываются в равной степени беззащитными перед лицом экологической катастрофы. «Нужда иерархична, а смог демократичен», — замечает по этому поводу У. Бек [Там же, *42*].

В рамках дистрибутивного подхода сложно говорить о конкретных мерах, к которым следует прибегнуть, чтобы добиться экологической справедливости. Идеальные схемы Ролза плохо переводятся на язык менеджмента рисков. Риски почти не поддаются измерению, их источники трудно идентифицировать, а об их возможных последствиях известно чрезвычайно мало. При «взвешивании» рисков общество вступает в область неопределенности и многозначности, где возможны противоположные оценки одних и тех же фактов и процессов. Так, в науке до сих пор нет единого мнения о допустимости использования инсектицидов, необходимости генной модификации сельскохозяйственных растений, роли человека в изменении климата и т. д. Соответственно, как показывает ряд моральных дилемм в экологической этике, остаются открытыми и вопросы о том, как нужно управлять рисками в этих сферах.

Помимо того, с усложнением технологического окружения у общества становится все меньше возможностей контролировать риски. Уже сегодня их перераспределение представляется трудновыполнимой, а в долгосрочной

перспективе — в условиях возможного системного экологического кризиса — и вовсе нереализуемой задачей. В такой ситуации необходимо говорить не столько о распределении, сколько о снижении рисков. Поскольку и в таком случае полностью избавиться от рисков нельзя, особое значение приобретает вопрос о справедливой компенсации жертвам рисков со стороны их виновников.

Критики экологической справедливости часто обращают внимание на то, что с точки зрения затрат и прибылей риски от проживания в непосредственной близости от свалки опасных отходов могут быть ниже рисков от жизни в условиях безработицы и нищеты. В качестве аргумента они приводят тот факт, что меньшинства и люди с низкими доходами часто сами выбирают для проживания загрязненные районы из-за льгот и дешевого жилья, и винить государство в сознательных дискриминационных действиях нельзя. Тем не менее, если рассматривать эти действия в более широкой перспективе, становится очевидным, что у низших классов нет никакого выбора: фактически их вынуждают выбирать из двух зол, и то, что одно из них может быть немного выгоднее другого, не меняет общей схемы дискриминации.

Утилитарные подсчеты выгод и потерь, как и вся практика снижения уровня несправедливости исключительно в рамках распределения благ и рисков, являются борьбой скорее со следствиями, чем с причинами. Как правило, после регулирования одних форм дискриминации высвечиваются или возникают новые ее формы, часто более изощренные и закамуфлированные. В рамках дистрибутивной справедливости основные усилия теоретиков справедливости направлены на постоянное выявление новых сфер, где дискриминируемые группы подвергаются рискам. По мнению Ч. Тейлора, А. М. Янг, Н. Фрейзер и некоторых других социальных исследователей, бороться необходимо со структурной, институциональной несправедливостью, которая лежит в основании неравного распределения и выражается в практике непризнания некоторых индивидов и групп.

А. Хоннет в своих работах предлагает развернутый анализ признания, доказывая, что именно оно является ключом для понимания социальной справедливости. Если последователи Ролза выводят справедливость из строго рациональных посылок гипотетического общественного договора, то Хоннет считает, что для понимания борьбы за признание нужно использовать не рациональные подсчеты, а нормативную «моральную грамматику». Движущей силой борьбы за справедливость в этом контексте становится не столько анализ выгод и лишений, сколько чувство оскорбленного достоинства и моральное негодование: «В отличие от утилитарных объяснительных моделей идея социальной борьбы предполагает позицию, согласно которой мотивы социального сопротивления и противодействия формируются в контексте морального опыта, являющегося следствием нарушения глубоко укорененных ожиданий, связанных с признанием» [10, *163*].

Достижение самореализации и самоуважения индивида возможно только при условии его признания другими. Следовательно, признание можно рассматривать как жизненную необходимость личности, реализуемую лишь в условиях социального взаимодействия. Взаимное признание в таком понимании является необходимым, конституирующим основанием социальной жизни как таковой.

Признание, согласно Хоннету, проявляет себя в трех основных формах: эмоциональное признание (забота, любовь), правовое признание (признание равенства всех людей) и социальное признание (признание уникальной ценности каждого). Формам признания противостоят различные формы несправедливости, важнейшими из которых являются соответственно телесное унижение (пытки, рабство), нарушение прав человека и отказ в признании социальной ценности и образа жизни индивида или группы. Вся история общества есть борьба против несправедливости за признание. В процессе этой борьбы расширяется круг тех, кто обладает правами и за кем признается ценность, независимая от утилитарных выгод.

Р. Буллард писал: «Прорыв к экологическому равенству — это расширение движения за гражданские права, движения, в котором прямая конфронтация и политика протеста были и остаются основными орудиями» [8, *13*]. История гражданских движений в целом вписывается в логику восхождения от эмоционального к социальному признанию. Это наглядно проявляется на примере важнейшей формы движения за социальную справедливость — борьбы против расовой дискриминации. Первая форма признания здесь соответствует этапу аболиционистской борьбы против рабства, символом которого можно назвать книгу Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», вызвавшую в свое время сильный эмоциональный отклик у читателей. О равных правах речь зашла только к середине XX столетия, когда начались массовые выступления против сегрегации: с тех пор количество областей, где проявлялась расовая дискриминация, постоянно сокращается. Однако сохраняющиеся неравенства, среди которых далеко не последнее место занимает неравномерное распределение экологических рисков, свидетельствуют о том, что, несмотря на серьезный прогресс в борьбе за гражданские права, дискриминация все же продолжается. Однако теперь она больше проявляется в тех сферах, которые ранее находились на периферии внимания защитников гражданских прав.

Эмпирические исследования показывают, что сегодня наиболее неблагополучная обстановка фиксируется в тех районах, где компактно проживают расовые и национальные меньшинства, а основной угрозой для их жизни и здоровья является захоронение токсичных отходов [12, *35–71*]. Соответственно ликвидация экологической несправедливости должна идти по двум основным направлениям: борьба против складирования опасных отходов и борьба против экологического расизма. При этом как несправедливость воспринимаются не только телесное унижение или нарушение гражданских прав, но и отказ в признании социальной ценности дискриминируемых групп: «Люди, которые оказываются безвинными жертвами токсического загрязнения, чувствуют, что кроме материального насилия в отношении их тел, постоянно оскорбляется их чувство справедливости как в экономическом, так и в нравственном плане. Это ощущение только усиливается, когда жертвы начинают понимать, что власти не могут или не хотят помочь им» [14, *85*].

Очевидно, что для ликвидации глубинных форм дискриминации требуются не просто сопереживание окружающих и даже не технические мероприятия по перераспределению рисков, но кардинальные изменения ценностного характера,

предполагающие уважение всех людей, социальных групп, а также развитое чувство солидарности.

Говоря о признании как о важном условии справедливого общества, необходимо отметить серьезное отличие практики распределения благ и рисков от практики завоевания признания. Всякое распределение предлагает распределяющую или контролирующую распределение инстанцию, роль которой выполняет государство. Признание же невозможно распределять директивно: следовательно, фокус принятия решений переносится с государства на индивидов и ассоциации гражданского общества, т. е. на те сферы политического и морального взаимодействия, где роль государства сведена к минимуму.

В процессе развития экономики количество опасных отходов увеличивается, и все более актуальным становится вопрос о месте их захоронения. Сложно найти сообщества, которые согласились бы с тем, чтобы эти места находились в непосредственной близости от места их проживания. В условиях экологической угрозы каждое сообщество готово приложить все усилия, использовав свои материальные возможности и политический вес для того, чтобы отходы оказались в другом месте. Предприятия и правительства, заинтересованные в захоронении отходов, обычно встречают меньше сопротивления со стороны сообществ с небольшим политическим весом, т. е. меньшинств и людей с низкими доходами. Эти группы обычно исключены из процесса принятия экологически значимых решений, например при городском планировании. В некоторых случаях согласие этих сообществ можно «купить» за относительно небольшие суммы компенсаций. В итоге отходы оказываются в районах проживания тех, чей голос в защиту своих прав не слышен или не принимается во внимание.

Если условием для справедливого распределения является всестороннее признание, то условием признания, в свою очередь, является гражданское участие. А. Янг пишет об этом так: «Идея справедливости в этом аспекте смещается к полюсу процедурных вопросов, связанных с участием в обсуждениях и процессе принятия решений. Для того чтобы норма была справедливой, каждый, кто следует ей, должен иметь принципиальный голос при ее обсуждении и обладать возможностью согласиться с ней без всякого принуждения» [15, *34*]. Если голос какой-то из заинтересованных групп имеет меньше веса в процессе принятия решений, чем другие, эта группа окажется в крайне невыгодном положении.

Экологическая справедливость предполагает увеличение степени участия публики в политическом процессе, доступ меньшинств и населения с низким доходом к информации экологического характера, предоставление всем группам прав на самостоятельный выбор образа жизни и т. д. Для обеспечения широкого участия всех заинтересованных групп в решении экологических вопросов необходимы мероприятия, вовлекающие широкую публику в дискуссии по поводу окружающей среды. Это могут быть публичные обсуждения, этические и экологические экспертизы, просветительские инициативы, конференции и собрания.

Примером участия представителей расовых меньшинств в экологической политике стал Саммит экологического лидерства в Вашингтоне (1992), делегаты которого попытались донести до всего мира свои требования. Стоит отметить, что они не ограничились узким пониманием окружающей среды как природы.

С их точки зрения, окружающая среда включает в себя «всю целостность жизненных условий наших сообществ: воздух и воду, безопасную работу за достойное вознаграждение, жилье, образование, медицинское обслуживание, гуманную пенитенциарную систему, равенство и справедливость» [11, *24*].

Исходя из такого широкого и многоаспектного понимания окружающей среды, участники сформулировали ряд рекомендаций государству и бизнесу, касающихся вопросов распределения и перераспределения экологических благ, а также вопросов признания. Итоговые принципы, несмотря на их недостаточную системность, могут считаться одной из наиболее заметных попыток дискриминируемых групп заявить о своем участии в процессе принятия решений, связанных с экологией. Их особенность состоит в том, что они сформулированы «снизу», исходя из реальных потребностей людей, а не положений философских доктрин.

Особое внимание на саммите было уделено вопросам, связанным с участием дискриминируемых групп в процессе принятия решений: «Экологическая справедливость требует, чтобы государственная политика была основана на всеобщем уважении и справедливом отношении ко всем народам и была свободна от дискриминации или предвзятости... требует права участия в качестве равных партнеров на каждом уровне принятия решений, включая оценку потребностей, планирование, внедрение, контроль и анализ результатов. Экологическая справедливость требует неукоснительного соблюдения принципов информированного согласия... призывает к такому образованию нынешних и будущих поколений, которое акцентирует внимание на социальных и экологических вопросах, основано на опыте и высокой оценке разнообразия культурных перспектив» [Там же].

Многие положения, касающиеся процессуальных аспектов экологической справедливости, отражены в конвенции Европейской экономической комиссии ООН «О доступе к информации, участию общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» 1998 г., иначе называемой Орхусской конвенцией.

В целом, как следует из этих и других подобных нормативных документов, проблема справедливого участия рассматривается в нескольких аспектах.

Информационный аспект связан со знанием проблемы и процедур ее разрешения. Все участники процесса принятия решения должны владеть полной информацией о проблеме: для этого необходимы свободный доступ ко всей необходимой информации, право получить информацию в доступной форме, возможность заказать независимую экспертизу, развитие экологического образования и просвещения на всех уровнях. Только владея всеми данными, можно приступать к решению проблемы и соглашаться или не соглашаться на действия, ухудшающие экологическую обстановку. Кроме того, все заинтересованные лица должны владеть информацией о процедурах принятия решений (например, общественных слушаниях), своих правах и возможностях участия в этих процедурах.

Не менее значимым является процессуальный аспект проблемы, связанный с процедурой принятия решений. Для того чтобы решение было справедливым, необходимо по меньшей мере обеспечить справедливые, т. е. прозрачные, открытые, понятные и честные процедуры его принятия. Это значит, что участники процесса на всех его этапах должны придерживаться одних и тех же четко определенных

правил, установленных заранее по обоюдному согласию и не изменяющихся по желанию какой-то одной стороны.

Необходимой предпосылкой для реализации экологической справедливости как в плане распределения рисков, так и в плане равного признания является равное участие всех заинтересованных сторон на всех этапах процедуры принятия решений. Каждый должен иметь шанс высказаться и оказать влияние на решение проблем на всех этапах — от момента постановки вопроса до момента подачи апелляции. При этом ко всем участникам процесса должно быть одинаковое отношение, свободное от каких бы то ни было предубеждений или пристрастности — все они должны рассматриваться как равноправные партнеры, и наличие материальных ресурсов и политического веса у какой-то из заинтересованных групп не должно служить преимуществом при распределении благ и рисков.

Н. Фрейзер полагает, что «справедливость лучше всего раскрывается как составное понятие, включающее в себя три измерения: распределение, признание и представительство» [9, *129*]. Это в целом верно и по отношению к экологической справедливости, которую можно представить в виде сложной трехуровневой системы принципов и норм. В ее основании находится принцип участия, который касается процесса принятия решений и требует полного доступа ко всей релевантной информации, наличия прозрачных и открытых процедур и равного представительства всех заинтересованных сторон в этом процессе. Принцип признания последовательно раскрывается в нормах эмоционального признания, признания равных прав для всех людей и признания уникальной ценности каждого человека, социальной группы, культуры. Что касается распределения, то в этом контексте оно предполагает снижение возможных рисков, отсутствие дискриминации при доступе к экологическим благам и достойную компенсацию жертвам ухудшения экологической обстановки.

Принципы распределения, признания и участия как основные измерения экологической справедливости раскрывают соответственно экономический, культурный и политический ее аспекты. Однако они не ограничиваются этими аспектами, а в последнее время все активнее выходят за их пределы.

Дистрибутивная справедливость трансформируется, выходя за пределы классической экономики и анализа затрат и выгод. Экологический подход требует принять во внимание не только прибыли и убытки предпринимателей, но и прибыли и убытки для природы и будущих поколений. В таком ракурсе способы хозяйствования, которые в классической экономике считались рациональными и эффективными, оказываются убыточными: суммы ущерба от нынешней экономической деятельности многократно превышают все краткосрочные выгоды.

Вместе с краткосрочными прибылями экономика производит и долгосрочные риски, и с усилением технологической мощи человечества эти риски только увеличиваются. Наука рисует все более катастрофические прогнозы по поводу будущего. В этих условиях возможна ценностная трансформация, обратная той, которая произошла при переходе от традиционного общества к обществу модерна, и центральное место в системе ценностей вновь займет выживание, а не прибыль. Тогда рыночная экономика сменится «моральной экономикой», законы которой

будут диктоваться не особенностями спроса и предложения, а нравственными нормами и императивами избегания риска.

Особенности такой экономики в традиционном крестьянском обществе описал Дж. Скотт, показав, что при жизни на грани выживания правильной стратегией является отказ от рискованных технологий, какими бы многообещающими они не были [13]. С этой точки зрения основой для неклассической экологической экономики должна стать не максимизация прибылей, а минимизация рисков. Это означает, что принципу дистрибутивной справедливости должен быть предпослан принцип предосторожности: любое справедливое перераспределение благ возможно только в том случае, если были просчитаны и сведены до минимума все возможные риски. Такой подход явно не будет способствовать развитию экономики, однако если существование человечества оказывается под угрозой, реальных альтернатив ему не существует.

Не менее серьезной трансформации подвергается и принцип признания. Наблюдаются многочисленные попытки распространить его действие за пределы культурной сферы на область природы. Сегодня сложилось особое направление исследований, которое помимо применения принципов экологической справедливости по отношению к людям рассматривает возможность использования понятия «справедливость» и по отношению к животным [5, *303–328*]. В англоязычной литературе существует традиция различного наименования этих видов справедливости. Если первый традиционно обозначается как *environmental* justice, то второй — как *ecological* justice.

Отношение к животным за последние десятилетия серьезно изменилось, и большое количество борцов за окружающую среду и экофилософов полагают, что животные должны иметь право на свою долю природных ресурсов. При этом можно найти несомненные параллели между борьбой за социальную справедливость и борьбой за права животных.

Первоначально, когда образ борца за окружающую среду ассоциировался с наблюдением за животными и восхищением дикой природой, речь шла лишь о прекращении жестокого обращения с животными. Только в 1970-е гг. серьезно заговорили об их правах. Философ П. Сингер писал о различиях эмоционального и правового подходов так: «Изображение тех, кто протестует против жестокости к животным, некими сентиментальными, эмоционально возвышенными чудаками, “любителями животных” создает в обществе нежелательный эффект, приводя к тому, что целый пласт общественно-нравственного бытия человечества — попирание ногами животных нечеловеческой природы — выводится из серьезной политической и нравственной дискуссии... у нас нет особенной заинтересованности в животных. Мы не испытываем какой-то “любви” к животным. Мы просто хотим, чтобы с ними обращались как с независимыми существами, которыми они и являются, а не как с предметами целей человека» [7, *7*]. Сегодня борьба за признание животных переходит в новую фазу: многие экофилософы предлагают признать внутреннюю ценность животных и видов, независимую от их пользы для человека.

Фактически в развитии борьбы за права и благополучие животных прослеживается та же нормативная логика (или «моральная грамматика»), которая

характерна для развития признания — от элементарных эмоциональных форм (забота, любовь) через правовое признание к признанию уникальной ценности каждого.

Идеи справедливого отношения к животным, в отличие от идей социальной справедливости, все еще остаются чересчур общими и абстрактными. Пока нет четкого понимания того, как соотносить интересы вида и индивида, различных видов, животных и человека, их внедрение в практику связано с серьезными сложностями. Однако общие тенденции развития теории морали позволяют говорить о том, что понятие справедливости не ограничится сообществом людей: «Нонантропоцентризм кардинально расширяет предмет моральной ответственности, распространяя ее и на не относящиеся к человеческому роду особи, а также сообщества и системы живых организмов» [1, *25*].

Конечно, борьба в защиту животных имеет серьезные отличия от борьбы за социальную справедливость. Прежде всего, животные, в отличие от меньшинств и людей с низким доходом, не способны оценивать свой статус и требовать признания. Однако определенные люди или группы могут выступать от имени животных, так же как опекуны выступают от имени несовершеннолетних детей или недееспособных взрослых. В таком контексте движение в защиту животных вполне можно рассматривать в терминах признания.

Серьезному переосмыслению сегодня подвергается и принцип участия, который первоначально касался политического представительства для решения проблем на местном уровне. Однако в ситуации с экологическими рисками отстоять права своей общины — значит сделать лишь первый шаг в решении проблемы. Пока производятся отходы, их необходимо подвергать захоронению. Если активисты добились того, чтобы их район был свободным от токсических отходов, то их ввезут в другой район. Наконец, если страна совсем запретит захоронение отходов, их примет другая страна. В любом случае жертвами экологической дискриминации окажутся люди с низкими доходами. В такой ситуации надо выходить за пределы локальной политической борьбы на глобальный уровень межгосударственных отношений.

Ужесточение законов, касавшихся хранения и захоронения токсических отходов в развитых странах, привело к тому, что их стали активно вывозить из богатых стран Северной Америки и Западной Европы в бедные страны Южной Америки, Африки и Восточной Европы. По причине отсутствия жестких экологических норм в этих странах захоронения отходов практически не контролировались.

Из-за ряда скандалов, связанных с загрязнением окружающей среды, болезнями и смертями людей, задержаниями судов с токсическими отходами в различных портах мира, начался процесс урегулирования трансграничной перевозки опасных отходов. Он проходил под эгидой ООН, и его результатом стала разработка Базельской конвенции «О контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением», принятой в 1989 г. Целью конвенции явилась защита здоровья людей, а задачами — сокращение производства отходов, ограничение и регулирование их перевозки.

Конвенция позволяет ввозить отходы в страну только в том случае, если имеется «предварительно обоснованное согласие» властей принимающей страны

на это. Отправка отходов без такого согласия считается преступлением. Кроме того, конвенция призвана обеспечить экологически обоснованные условия использования и захоронения отходов. Для этого она требует свести к минимуму количество отходов, обрабатывать их как можно ближе к месту производства и контролировать все процессы, связанные с оборотом отходов. Отходы не могут вывозиться за границу, если у страны есть технические возможности и условия их переработки [2].

У Базельской конвенции имеется множество критиков, доказывающих, что она косвенно тормозит развитие технических средств для переработки отходов в развитых странах (поскольку, имея такие средства, страны не смогут вывозить свои отходы за границу), а также утверждающих, что при стабильно высоком уровне коррупции в бедных странах получение «предварительно обоснованного согласия» зависит только от суммы взятки. Однако конвенция динамично изменяется, учитывая требования стран-участников. Как достаточно гибкий инструмент регулирования она способна если не окончательно решить, то наметить пути решения этих и других проблем.

Итак, экологическая справедливость — это сложная концепция, в которой тесно связываются, казалось бы, совершенно различные элементы: философская теория справедливости и практика коллективной политической борьбы; движение в защиту окружающей среды и движение за социальную справедливость; участие, признание и распределение. Экологическая справедливость реализуется на стыке трех разных сфер: политической, экономической и культурной и одновременно трансформирует сами эти сферы. При этом она не только предупреждает о вероятных опасностях, но и обрисовывает контуры будущего: моральной экономики, нонантропоцентрической культуры и глобальной политики.

---

1. *Апресян Р. Г.* Дилемма антропоцентризма и нонантропоцентризма в экологической этике // Этика и экология. Новгород, 2010.

2. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением. Шатлен, 2011.

3. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000.

4. *Гусейнов А. А.* Справедливость // Этика : энцикл. слов. М., 2001.

5. *Прокофьев А. В.* Воздавать каждому должное... Введение в теорию справедливости. М., 2013.

6. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

7. *Сингер П.* Освобождение животных. Киев, 2002.

8. *Bullard R. D.* Unequal Protection: Environmental Justice and Communities of Color. San Francisco, 1994.

9. *Fraser N.* Abnormal Justice // Justice, Governance, Cosmopolitanism, and the Politics of Difference. B., 2007.

10. *Honneth A.* The Struggle for Recognition: the Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge, 1995.

11. Principles of Environmental Justice, Proceedings, The First National People of Color Environmental Leadership Summit // Environmental Justice : Law, Policy & Regulation. Durham, 2009.

12. *Rechtschaffen C., Gauna, E., O'Neill C. A.* Environmental Justice: Law, Policy & Regulation. Durham, 2009.

13. *Scott J. C.* The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and subsistence in Southeast Asia. Princeton, 1976.

14. *Szasz A.* Ecopopulism: Toxic Waste and the Movement for Environmental Justice. Minneapolis, 1999.

15. *Young I.* Justice and the Politics of Difference. Princeton, Princeton, 1990.

Рукопись поступила в редакцию 31 июля 2014 г.

УДК 101.1:316 + 101.9 + 7.038.6

Д. К. Чулаков

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ КАК МОРАЛЬНЫЙ ИМПЕРАТИВ В ОБЩЕСТВАХ ПОЗДНЕЙ МОДЕРНОСТИ

В статье предлагается рассмотрение самореализации в контексте интеллектуальной и культурной истории понятия. Широкое распространение апелляций к самореализации истолковывается как проявление культуры самости, являющейся продуктом индивидуализации обществ поздней модерности. Обращение к теориям индивидуализации ставит вопрос об амбивалентности самореализации как общественного идеала и о принудительном и репрессивном характере императива самореализации в обществах институционализированного индивидуализма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: самореализация, индивидуализация, поздняя модерность.

Пристальность и пристрастность исследовательского взгляда часто находят свое выражение в том, что изучаемый феномен кажется повсеместным и вездесущим, однако в случае языкового бытования самореализации такая вездесущность не будет преувеличением.

Самореализация незаметно вошла в правовой, публицистический и политический тезаурусы. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» перечисляет «создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие его способностей» среди основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования [11]. К самореализации апеллируют в президентских поздравительных телеграммах (Общероссийская общественная организация «Союз женщин России» «успешно содействует творческой и профессиональной самореализации женщин» [13]), инаугурационных речах («считаю своей важнейшей задачей дальнейшее развитие гражданских и экономических свобод, создание новых, самых широких возможностей для самореализации граждан» [14]), на Прямой линии с президентом России («для нашего государства гораздо было бы интереснее и было бы правильнее создать условия для самореализации наших молодых людей и молодых ученых, студентов и школьников даже у себя на Родине» [15]) и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года («создание условий для стимулирования населения к творческой самореализации путем совершенствования системы культурно-просветительной работы» [17]).

© Чулаков Д. К., 2014